

МОРАЛЬНОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР

В статье рассмотрено влияние проблемы морального безразличия на функционирование общественной системы. Акцент сделан на трансформации индивидуальных отношений в общественную коммуникацию. Проанализированы социальные причины возникновения данного явления в конкретные исторические периоды. Показана взаимосвязь кризисных ситуаций, обусловленных переоценкой общепринятых положений, с восприятием индивидом собственной сущности. Отмечена потенциальная возможность перерастания моральной индифферентности в поведенческие формы, представляющие социальную опасность.

МОРАЛЬНОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ; ОБЩЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ; СОЦИУМ; АСОЦИАЛЬНОСТЬ; ЭГОЦЕНТРИЗМ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ; ОБЩЕЗНАЧИМОЕ.

Тема морального безразличия на современном этапе переходит из разряда теоретических исследований в плоскость поиска практических решений данной проблемы. Ее актуальность распространяется на сферы гражданской ответственности, социальной коммуникации, общественной активности населения. Отсутствие заинтересованности в динамике социального процесса, реформировании взаимосвязей индивида и общества, гражданина и государства, искоренении негативных явлений в общественной среде, совершенствовании структуры межличностных отношений – причина неэффективности многих государственных проектов и начинаний. Расширение области асоциальных проявлений связано с деструкцией как личностных проявлений, так и социального статуса человека, обусловленной расхождением между индивидом и социумом в понимании ценностных требований. Нарушение общественного единства инициирует этническую разобщенность, политические кризисы, трансформацию национального сознания. В этом контексте моральное безразличие можно рассматривать

как социальное явление со своей спецификой, историческим генезисом, влиянием на самореализацию индивида.

В философской литературе, посвященной данной проблематике, можно отметить следующие сложившиеся тенденции. Французский ученый П. Адо уверен, что феномен безразличия развивается из скептической традиции, оформленной в древнегреческой философии. Установка на непознаваемость мира и невозможность прогнозирования собственной жизни является причиной безразличия к окружающим и к себе [1, с. 5–12]. В постиндустриальный период эта тема истолковывается, исходя из изменившихся условий существования. Как считает американский исследователь Д. Белл, человек утрачивает потребность в диалоге и компенсирует его ростом материального потребления, теряя интерес к окружающим [2, с. 146–158]. Отечественный ученый А.С. Панарин рассматривает «безразличие к морали» как следствие разрыва связей с традицией и стремление к гедонистическому существованию [3, с. 118–119]. Американские психологи и антропологи склонны трактовать

феномен безразличия как следствие детских психических травм, отсутствие полноценных социальных партнеров (Х.С. Салливан и Дж. Зилбург), столкновение с пограничными ситуациями (К.Э. Мустакис), несоответствие внешних и внутренних процессов вокруг человека (Л.Э. Пепло) [4, с. 152–169].

Исследование феномена безразличия подразумевает комплексный характер: этический аспект дополняется средствами социальной философии. Использование историко-сравнительного метода при рассмотрении проблемы морального безразличия позволяет проанализировать детерминацию поведенческих стандартов в границах конкретной исторической эпохи, определить ее содержание, установить типичные черты данного феномена. Понятия «безразличие», «равнодушие», «индифферентность», «безучастность» используются в тексте в качестве синонимов.

Отношение индивида к себе, к другим, к сообществу, в котором он пребывает, характеризует нравственную атмосферу, сложившуюся в социуме. Восприятие ценности человеческой жизни, общезначимых принципов, прав и обязанностей, гражданского долга служит критерием личностного и гражданского развития. Эффективность социальной коммуникации зависит от согласия и доверия, установившихся между гражданином и государством. Заинтересованность и участие в общественной деятельности формируют чувство сопричастности с другими членами сообщества, тем самым признается система нравственных приоритетов, регулирующая отношения в обществе. Она опирается на гражданскую солидарность как знаковый консенсус участников социального процесса. В американской традиции рассмотрения данного вопроса безразличие выступает индикатором в определении моральных обязательств в предоставлении помощи родственному кругу и всем остальным в соответствии с общепринятой позицией [5, с. 327–332].

Фундаментальной чертой морального безразличия является разрыв с традиционной аксиологией, диктующей цели, образцы, мотивацию индивидуальных действий, что предусматривает формирование иных поведенческих стереотипов. Смыслы существования в таком контексте определяются эгоцентрическим принципом, выводящим социальную проблематику за пре-

делы индивидуального восприятия мира как не представляющую интереса при достижении личного благополучия. Основными стимулами деятельности становятся удовлетворение материальных потребностей, реализация амбиций, позиционирование собственной исключительности. Сознательное безучастие декларируется как адекватный выбор по отношению к обществу, в котором концентрируется неприятие или недоверие к сложившейся системе ценностей, общезначимым целям, гражданским усилиям. В таком ракурсе другой человек перестает восприниматься на уровне самостоятельной ценности. Данное отношение переносится на социальную среду, частью которой он является. Демонстрируемое безразличие к окружающей действительности инициирует жесткую границу с другими индивидами. Вместе с тем ответственность за препятствия, мешающие расширению пространства эгоистических проявлений, возлагается на социум, а принятая в нем шкала оценок утрачивает свое значение или признается необязательной. Вместе с ней девальвируется влияние общественного мнения. Борьба за достижение собственных интересов перерастает в идею противостояния «враждебному» миру. Основные моральные регуляторы взаимодействия с согражданами: порицание и общественные почести перестают быть эффективными, их воздействие не находит эмоционального отклика. Сочувствие, взаимопомощь, сострадание, соучастие рассматриваются как лишённые смысла поступки. В таком плане межличностная коммуникация сводится к жизненно необходимым контактам, не включающим в себя социального диалога. Обмен с общественной системой усилиями, возможностями, знаниями, энергией, направленными на общее благо, становится неоправданным, так как сфера соприкосновения между человеком и сообществом утрачена или сугубо формализована. В этой ситуации моральное безразличие трансформируется из личного мировоззрения в социальный фактор, определяющий состояние и перспективу государственной жизни.

Равнодушие противоречит принципам социальной солидарности, признанной за основу гражданской коммуникации. Незаинтересованность в результатах совместной деятельности, имеющей значение для большинства населения, содержит разрушительный потенциал

для всей общественной системы. Опасность подобного явления обнаруживается в критических обстоятельствах: военные действия, техногенные катастрофы, природные катаклизмы, духовные угрозы. Пассивность, устранение, безучастие создают условия для возникновения конфликтной ситуации между гражданами и способствуют нарушению целостности общественной системы. Моральная составляющая в таком случае может приобретать черты политического, материального, национального противостояния. Восприятие равнодушия как личного качества человека переносится на уровень восприятия общества, его мобильности, единства, способности реагировать на внешние вызовы. Масштабность явления моральной индифферентности порождает ощущение упадка, отсутствия перспектив, кризиса социальной системы и становится мотивацией понижения самооценки, направленной на осуществление социально значимых целей.

Безразличие формирует чувство разобщенности между согражданами и потери связующего начала, выполняющего объединительную функцию. Скептическое отношение к ключевым идеям обосновывается расхождением заявленного и осуществленного обществом, что должно оправдать принцип неучастия в социальном процессе. Исходной посылкой морального безразличия является обвинение общества во лжи и лицемерии, оно перерастает в недоверие к знаковым событиям, фигурам, представленным как образец для подражания, укрепляя индивида в стремлении к самоустранению. Самоизоляция в основе своей совпадает с безучастностью по оценочным критериям. Отказ человеку во взаимодействии, взаимопомощи, взаимопонимании, взаимовыручке приобретает социальный подтекст, в нем раскрывается отношение к общности. В таком случае происходит деформация части через отторжение целого. Социальная разрозненность препятствует утверждению четкой нравственной позиции и может истолковываться как следствие морального безразличия.

В переломные эпохи происходит смена мировоззренческих систем, связанная с нарушением прежних форм общественного контроля, изменением государственной перспективы, деформацией нравственной парадигмы. Содержание социальной коммуникации между гражданами

наполняется новыми приоритетами, обусловленными трансформацией ценностных установок. Особенно это касается предъявления индивида социуму через набор общезначимых поступков. На раннем этапе античной истории гражданское начало превалирует над личными интересами. Коллективные принципы выживания, существования, участия в общественном процессе исключали феномен безразличия как таковой. Моральное достоинство гражданина определялось через контакты с соплеменниками и выполнение гражданских обязанностей. «Римский народ, свобода народа, долг служить всеми силами Риму на любом месте, в любой роли – такова была основа системы ценностей римлян периода расцвета их города-государства» [6, с. 48]. Компактность проживания, немногочисленность жителей города-полиса создавали условия прозрачности моральной составляющей любого индивида. Общие цели, общее благо, общие герои стимулировали социальную активность. Во времена правления римских императоров происходит изменение ценностной шкалы. Коллективное начало уступает место индивидуалистическим проявлениям, связанным с корыстью, борьбой за власть, тщеславными амбициями. Моральное безразличие как форма выживания выводится из общественных настроений, признающих в качестве определения достоинств человека богатство, знатность, место в социальной иерархии. Равнодушие к другим становится средством самоактуализации в мире.

Моральное безразличие может принимать разные формы: отстраненность, автономное существование, уединенность. Оно связано не с обесцениванием человеческого достоинства, а с ощущением неспособности совершенствовать социальную структуру. Л.А. Сенека писал: «Подумай, сколько вокруг тебя зла... <...> А какая награда нас ждет, если мы разом покончим... со всем этим цепким злом! <...> Если мы выберемся из этой грязи на высокие вершины, нас ждет... полная свобода. – Ты спросишь, в чем она? – В том, чтобы не бояться ни людей, ни богов; чтобы не желать ни постыдного, ни лишнего; чтобы стать полновластным повелителем самого себя» [7, с. 17]. Обращаясь к своему «я», индивид замыкается на собственных проблемах, рассматривая их как наиболее значимые и приоритетные, и в силу этого теряет интерес

к социальной жизни, предпочитая заниматься личным самоусовершенствованием, а не общественным реформированием. Авторитет общественного мнения, не подкрепленный примерами достойного поведения большинства, теряет свое влияние на индивида, предоставляя человека самому себе. В такой ситуации моральное безразличие совпадает с основными тенденциями общественного состояния и служит защитной реакцией для самосохранения.

В средневековый период в силу экономической и политической модификации структуры общественных отношений изменяются регуляторы морального поведения. Институт церкви и профессиональная корпорация (цех, деревенская община, рыцарское сообщество, монашеское братство) контролируют нравственные проявления индивида, выносят оценку его личным качествам. Тесное взаимодействие в производственной, военной, духовной сфере, зависимость от профессионального сообщества, подчинение правилам сословной страты ограничивают эгоистическую мотивацию поступков. Интересы профессионального союза, по большей части совпадающие с выгодой и пользой отдельного его представителя, вынуждают человека принимать их за главенствующие и отстаивать как свои собственные. Моральное безразличие не получает возможностей явного выражения, оставаясь латентным качеством личности, оно ограничено действительными барьерами, сдерживающими эгоцентрическое начало. Профессиональная солидарность распространяется и на сословные интересы, так как в них концентрируются общие цели и возможности. Изгнание, потеря расположения, лишение сословных и профессиональных привилегий – социальные меры, предотвращающие возникновение и развитие морального безразличия.

Социальные установки в моральной составляющей совпадают с церковными положениями. «Персона, служение или должность человека, время его жизни, имущество, которым он владеет, объединены в неразрывное целое. Всё должно быть употреблено на пользу индивида и вместе с тем в интересах социального целого, причем эти интересы представлены в проповеди в привычном религиозном виде, как выполнение воли Бога» [8, с. 209]. Стимулом общезначимой деятельности является следование

евангельским заповедям, которые не меняются в зависимости от политической и государственной конъюнктуры. Помощь ближнему, сострадание, милосердие – критерии подлинной христианской жизни, а так как церковная община по своему составу, как правило, совпадала с профессиональной группой, а религиозные и социальные требования относительно нравственности были тождественны, эти моральные качества принимали универсальный характер и были востребованы в двух основных плоскостях реализации личности.

Христианская мораль сформулировала основной тезис коммуникации: добродетель порождает согласие, порок – обособление между индивидами. Церковь в своих проповедях воспитывала смирение, которое помогает преодолеть барьер гордыни, разрушающий целостность мира, стимулирующий ложную самостоятельность, создающий ощущение превосходства, что приводит к отстраненности от общезначимого. «Пусть почувствует душа братская, не посторонняя, не душа сынов чужих, чьи уста изрекают ложь, чья десница – десница неправды, а душа брата, который, одобряя меня, за меня радуется, а порицая, за меня огорчается, ибо одобряет ли он меня, порицает ли, – он меня любит» [9, с. 238]. Сопричастность с другими через веру как высшее проявление человека и профессию как средство выживания вынуждает индивида ограничивать эгоизм и, как следствие, преодолевать проявления морального безразличия.

В XVII веке в европейской истории наступает мировоззренческий перелом, связанный с развитием промышленности, научными революциями, изменением социальной структуры. Общественное мнение диктует новые поведенческие стереотипы, в которых отражаются идеи личной свободы, самостоятельности, индивидуальной независимости. Материальное благополучие становится основополагающим критерием социального признания. Конкуренция и соперничество – основные способы достижения успеха. Честолюбие, тщеславие, эгоцентризм оправдываются, исходя из природной сущности человека. Моральное безразличие становится эффективным фактором соответствия между предлагаемыми обществом условиями существования и личными стремлениями к процветанию. Собственный интерес оправдывает любые

поступки, не находящиеся в поле юрисдикции. Общественные связи выстраиваются на основе взаимной выгоды и взаимной пользы. Задача социума – определить общезначимые смыслы, в которых представлены как интересы отдельно взятого человека, так и интересы всех, чтобы не допустить распад государственной системы.

Авторы Нового времени (Фр. Бэкон, Т. Гоббс и др.), рассматривая проблему безразличия, оперировали понятием «естественное», наполняя его природными желаниями и законами. Человек действует на свой страх и риск и в силу этого опирается на идеи самосохранения. Все окружающие воспринимаются как потенциальные враги, способные нанести вред и ущерб интересам индивида. В такой ситуации солидарность с другими становится абсурдной. Только страх за собственную жизнь заставляет человека искать возможности для социального объединения. Эмоциональное стремление к соучастию заменяется рациональным посылом о пользе моральных максим. Равнодушие не осуждается, его предлагают модифицировать в выгодные для себя правила. «...В случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты» [10, с. 156–157].

Страх за собственную жизнь стимулирует общественную активность, чтобы предотвратить нежелательные проявления. В философии Нового времени эгоизму придается социальный статус, регулируемый государственными законами. Безразличие не осуждается общественным мнением, а унифицируется в виде данности отношений между людьми. Баланс индивидуального и коллективного поддерживается с помощью рациональных обоснований. Моральная сфера получает закрепление в правовых положениях: гражданские законы препятствуют проявлениям несправедливости, надменности, насилию. Таким образом, демонстрируемое равнодушие к социальным вопросам противоречит требованиям разума и не встречает понимания в общественной среде. Европейские государства и гражданские сообщества начиная с XVII века постепенно выстраивают политику использования человеческого эгоизма во благо всех, опираясь на формирование рационалистического мировоззрения, когда человек вовлекается в соци-

альный процесс, исходя из очевидной для себя пользы и выгоды.

Ускорение динамики жизни, новые информационные возможности, позитивные улучшения стандарта существования трансформируют понимание собственной сущности человека. В XX веке актуальность выживания постепенно теряет свое первоначальное значение и вместе с ней видоизменяется потребность в социальных контактах. В большей степени они заполняются совместным досугом, времяпрепровождением, общими развлечениями. Коллективность существования как форма противостояния голоду, холоду, болезням становится неостребованной. Ценность общественной системы определяется через предоставление комфорта и социальных гарантий. Безразличие гармонизирует с общим ритмом жизни, переходя из разряда моральных пороков в обыденность. «Если человек не принадлежит к какой-либо общности, если его жизнь не приобретает какого-либо смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет» [11, с. 28]. Равнодушие становится ответной реакцией на отчуждение от общественной системы. Заинтересованность в другом теряет свое былое значение в силу самодостаточности индивида и рассматривается как вынужденная форма жизни, лишенная полноценной коммуникации. Социальные связи формализуются, так как в них отсутствует связующее начало, наполненное общими для всех смыслами. Человек попадает в ситуацию тотального одиночества, наполненную пессимизмом, неверием, циничным отношением к согражданам.

Утрата моральных авторитетов, разрыв с обществом, призванным контролировать поведение человека, формируют асоциальный стиль жизни. Безразличие принимает протестный вариант самопредъявления. Отказ от принятых в обществе моральных требований декларирует несогласие с социальной системой. Мнения, оценки, взгляды окружающих воспринимаются агрессивно. Общество, государство не оправдали возлагаемых на них ожиданий в глазах разочаровавшегося субъекта и в силу этого не имеют права ограничивать альтернативные формы существования. Маргинализм, нигилизм, эскапизм проводят жесткую демаркацию с гражданской составляющей индивида. Образ жизни,

мышления, сориентированный только на собственное «я», не включает другого в круг значимых ценностей. Конфликт с общепринятым освобождает индивида в его представлениях от социальных обязанностей и долженствований. «Логика обмена ценностей теперь не действует. В силу вступает логика отказа от ценности и смысла» [12, с. 230]. Безразличие становится социально опасным явлением.

Таким образом, общественная коммуникация, лишенная общезначимых интересов, утрачивает свою привлекательность в глазах большинства граждан и, как следствие, инициирует развитие феномена морального безразличия. Нарушение личностных связей, равнодушие к

другому становятся причиной потери интереса к социальной системе, частью которой человек является. В этом контексте моральная проблема переходит в разряд негативных социальных факторов, препятствующих позитивному реформированию государственных и общественных структур. Диссонанс личности и социума формирует позиция неприятия гражданской солидарности по основным вопросам существования сообщества (безопасность, выживание, самоидентификация, сохранение духовных традиций). Открытость власти, заинтересованность во всеобщем процветании, реализация прав гражданина могут способствовать изменению вектора индивидуальной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Адо П.** Что такое философия? / пер. с фр. В.Г. Гайдемана. М.: Гуманитарная лит., 1999. 320 с.
2. **Белл Д.** Культурные противоречия капитализма / пер. с англ. А.К. Оганесяна // Этическая мысль: науч.-публ. чтения. М.: Политиздат, 1990. С. 146–158.
3. **Панарин А.С.** Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.
4. **Пепло Л.Э., Перлман Д.** Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества: сб. ст. М.: Прогресс, 1989. С. 152–169.
5. **Чатгерджи Д.К.** Моральное дистанцирование: введение // Questia. Trusted online research. The Monist. Vol. 86. No. 3. Moral Distance (JULY 2003). Pp. 327–332 [Journal]. URL: <https://www.questia.com> (дата обращения: 08.05.2016).
6. **Штаерман Е.М.** Кризис античной культуры. М.: Наука, 1975. 273 с.
7. **Сенека Л.А.** О благодеяниях / пер. с лат. П. Краснова // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 14–167. (Б-ка этической мысли).
8. **Блок М.** Апология истории / пер. с фр. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1986. 254 с. (Пам. истор. мысли).
9. **Августин А.** Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского / пер. с лат. М.Е. Сергеенко. М.: Renaissance, 1991. 485 с. (Пам. религ.-филос. мысли).
10. **Гоббс Т.** Сочинения. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль, 1965. 445 с.
11. **Фромм Э.** Иметь или быть? / пер. с англ. Н.И. Войскунской, И.И. Коменкович и С.В. Федулова. М.: Прогресс, 1990. 330 с. (Б-ка заруб. психологии).
12. **Бодрийяр Ж.** Фантомы современности / пер. с фр. Н.В. Сулова // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2008. 270 с. (Филос. бестселлер).

МИРОНОВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор Севастопольского государственного университета.

Россия, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33
e-mail: andreyvmironov@gmail.com

A. V. Mironov

MORAL INDIFFERENCE AS A SOCIAL FACTOR

The article discusses the problem of moral indifference and its impact on the functioning of the social system. The emphasis is on the transformation of the individual in public relations communication. Analyzes the social causes of this phenomenon in specific historical periods. Reveals the relationship of crisis situations related to the reevaluation of the common provisions, with the perception of the individual's own essence. Emphasizes the potential of escalating moral indifference in behavioral form, representing social danger.

MORAL INDIFFERENCE; PUBLIC COMMUNICATIONS; SOCIETY; ANTI-SOCIAL BEHAVIOUR; EGOCENTRICITY; PUBLIC INTEREST; GENERAL INTEREST.

REFERENCES

1. Ado P. *Chto takoye filosofiya?* [What is philosophy]. Moscow, Gumanitarnaya literatura Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)
2. Bell D. [The cultural contradictions of capitalism]. *Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskiye chteniya*. Moscow, Politizdat Publ., 1990. Pp. 146–158. (In Russ.)
3. Panarin A.S. *Global'noye politicheskoye prognozirovaniye* [Global political forecasting]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 352 p. (In Russ.)
4. Peplo L.E., Perlman D. [Theoretical approaches to loneliness]. *Labirinty odinochestva*. Moscow, Progress Publ., 1989. Pp. 152–169. (In Russ.)
5. Chatterdshi D.K. [Moral distance: introduction]. *Questia. Trusted online research*. The Monist, vol. 86, no. 3, Moral Distance (JULY 2003), pp. 327–332 [Journal]. Available at: <https://www.questia.com> (accessed 08.05.2016).
6. Shtayerman Ye.M. *Krizis antichnoy kul'tury* [The crisis of ancient culture]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 273 p. (In Russ.)
7. Seneka L.A. [On the goodness]. *Rimskiy stoiki. Seneka, Epiktet, Mark Avreliy*. Moscow, Respublika Publ., 1995. Pp. 14–167. (In Russ.)
8. Blok M. *Apologiya istorii* [The apology of history]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 254 p. (In Russ.)
9. Avgustin A. *Ispoved' Blazhennogo Avgustina, yepiskopa Gipponskogo* [The confessions of St. Augustine, Bishop of Hippo]. Moscow, Renaissance Publ., 1991. 485 p. (In Russ.)
10. Gobbs T. [Complete works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 445 p. (In Russ.)
11. Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow, Progress Publ., 1990. 330 p. (In Russ.)
12. Bodriyyar Zh. [The phantoms of modernity]. *Yaspers K., Bodriyyar Zh. Prizrak tolyu*. Moscow, Algoritm Publ., 2008. 270 p. (In Russ.)

MIRONOV Andrey V. — *Sevastopol State University*.

Universitetskaya ul., 33, Sevastopol', 299053, Russia

e-mail: andreyvmironov@gmail.com